

Филимон Грач

Рукопись

Глава 1

Коммуна Беньё-ле-Жюиф

... «Писать нужно так, чтобы ваша книга была похожа на озвученное кино и с запахами»...

Писатель притянул к себе рукопись, долго смотрел на неё, не решаясь открыть... «Когда глаза становятся ртом, проглатывающим слова, ваш разум, желудок, собравшийся всё это переварить...»

Прелюдий было много... Что было последней прелюдией? Бьянка- его самая мощная увертюра!

Писатель лукавил... Уцепившись за кончик мысли, он дал ей большой поводок и та немедля отползла в сторону, глядя на него глазами попавшейся жертвы... Писатель улыбнулся... Он улыбнулся и кончиками пальцев погладил титульный лист рукописи, как гладят хитрую кошечку, присмирившую ненамного после миски густой сметаны...

Бьянка да, у неё вступление робкое, флейтами, крадущимися вдоль тропинки, поросшей взрослым камышом... Тихим ветерком потом фагот пройдёт по их коричневым головкам, они

качнутся в такт, потом ещё... Музыка страсти усиливается... Вот пошли струнные..., сначала первая скрипка, за ней вторая.... Альт! Альт! Здесь несомненно нужен альт! А откуда ж здесь валторнам быть? Ах, да! ... И меди чистый голос и густой...

А скрипки... дерзкой стайкой валькирий они набрасываются на фагот, тот отбивается, но тоже робко сперва, не давя на общий хор, а только споря слегка... Да! Пусть набежит ветерок сначала! Пусть он забьётся ей под юбку вместе с опавшими листьями с тропинки и тогда она, смеясь, танцуя на ходу, ручками подыгрывая фуэтэ, будет подминать её под себя понарошку, и вдруг побежит, побежит, хитро оглядываясь назад, а тот, кто следил за ней всё время, пока она прогуливалась по волшебному лесу, остановится вдруг, бессильно разведя руками... Всё!

Вот она, «Бьянка»... Она лежит перед ним, её веки полуприкрыты, головка немножко вбок, небольшая ложбинка в её подушке едва касается своею атласной кожей её румяной щеки... Но настоящей Бьянки больше нет, она ушла, как исчезает всё, что было где-то, когда-то, как ветер в кронах деревьев дул и вдруг затих... Рукопись свою он тоже решил назвать в её честь, в честь Бьянки....

Вечер. Редкие огни за окном успокаивают Писателя и шум ветра за окном тоже успокаивает

его... Мир рухнул. Теперь их осталось только двое — он и Читатель. Писатель обманывает его! Но он не только не делает ничего, чтобы спасти Читателя, а наоборот, придумывает всё новые и новые сюжеты, всё более изысканные капканы расставляет тут и там...

Рукопись лежит, не шелохнувшись... Боясь пробудить в ней ненужную страсть, Писатель одёргивает руку, будто ожегшись, но пальцем задев листок, не рад..., листок вскидывается вверх ... Писателю страшно брать её такой беззащитной, не научившейся ещё говорить «нет», не отличающую ещё слово «да» от власти позорных капитуляций...

Встав, Писатель долго ходит по комнате, опустив глаза, смотрит в пол... Дубовый паркет с облезлым лаком на поверхности отправляет его опять назад, где ничуть не изменившееся время, глазами ныне умерших людей тогда созерцалось совсем иначе, для них оно было настоящим! А, будущее... что, ж! Будущее вновь сместилось за край мечтаний, там очертания неясны, там свет и тень, там ночь и день, как воска спущенная нить, не оборвать, ни остудить...

...Вечер....

Вечер — это тоже прелюдия к утру, но повторяющаяся без конца... Писатель обманывает себя тем, что следующее утро будет другим, и что ветер будет другим непременно и солнце... Если

будет оно вообще... И вдруг, он говорит себе; — «стоп», отводит руку в сторону, свет, отразившийся от неё, превратился в тень на стене и только рукопись на столе была бела, как ломоть Луны, повисшей над кроной большого чёрного дерева справа в окне...

«Бьянка» только с виду казалась доступной, как недоступна бывает Спящая Царевна во хрустальном гробе! ... «Так же, как»... Почти не выходя из забытья, Писатель опять идёт к столу, его плечи, опущенные вниз и голова, скорей всего говорят о том, что он пленён неведомой силой... Ещё одна попытка. Сейчас многое будет зависеть от того, с каким настроением он подойдёт к «Бьянке»!

— Бьянка, ты слышишь меня, Бьянка?

Свет от его настольной лампы на столе, когда он пододвинул её поближе к рукописи, словно преткнулся в том месте, где срез её страниц был перепендикулярен столу... Осень за окном? Надо срочно посмотреть в окно, ибо если этого не делать, то страх тогда окажется сильнее... Длинная, далеко отросшая от дерева ветвь, сучковатая, закрученная хитро древесными сухожилиями, мерно постукивала в окно, отвлекая его от главных мыслей...

Писатель давно хотел отпилить её, но боялся... Чем больше тебе лет, тем сентиментальней гул в твоей пустеющей груди, и

тем глуше стук влажного красного камня, ударяющегося об неё своими дряхлеющими аортами... Жалея, что не задёрнул штор, Писатель тупит взор, но дерево разбуженно гудит за окном, будто пальцем веткой стучит в стекло, просится в дом.

«У неё большая семья..., у неё большая семья»... — зачем он то и дело повторяет эту фразу? Писатель с опаской опять покосился в окно, за ним накидка из фиолетового креп-шифона с красноватой отбивкой в самом низу, тихо наезжала с погрузневшего небосклона на мрачноватый лесок вдали.... «Зачем он купил этот дом? Слишком большой, холодный...» С Бьянкой они прожили здесь одну зиму, одну весну, лето и две осени... Этот год вместил в себя цифру «пять» и ещё несколько десятков дат поменьше...

Рукопись пугала своей неподвижностью, в ней было что-то от покойницы... Невероятные комбинации чувств, как сложное сочетание цветов, наслаивались одно на другое, ввергая Писателя в такой глубины водоворот, что он был вынужден опять вставать, ходить по комнате, посматривая с опаской на потемневшее окно...

... «Писать нужно так, чтобы ваша книга была похожа на озвученное кино и с запахами»... Эта фраза, она была первой что он прочёл, открыв рукопись... Сердце у него стучало, будто было ему

сейчас не пятьдесят шесть, а восемнадцать! Мир держится на контрактах, на условностях самоподчинения, лучше добровольно признать себя рабом, чем будучи им, делать вид, что это не так...

Бьянка... Бьянке было двадцать пять, когда она ушла... Она ушла, а он остался... Это она убедила его остаться. Она сказала, что он «талант». Но Писателю дай только волю, так он все жизни выстроит через запятую... свою и чужие... Но так нельзя. Всё когда-нибудь, да заканчивается. Тогда зачем ему Бьянка? Бьянка сказала, что он «талант»? И что?

О, сколько раз на дню Писатель подходит к этому столу, примеривается... а она как лежала, так и лежит, не шелохнувшись?

— Прошу тебя! Прошу... — Он склоняется над листом, как будто в нём, как в зеркале, сейчас отразились её красивые черты... Бьянка....

Говорят, должно пройти три дня, а потом начнётся... Начнётся «что»? Плоть начнёт разлагаться, а потом? «Пора прощаться».... Он всё-таки снял этот лист, снял... Поднимаешь лист, как на лице её вуаль, под ним невидимая даль... Писатель не может попасться на собственный трюк, он его готовил для других, не для себя...

Утро. Утро для тех, кто, отпустив сон, не спешат окунаться с головой в замасленный календарь. Сколько дат, сколько дней, сколько

мыслей пустых и идей... Не подходя к столу, Писатель косится на него из спальни через полуоткрытую дверь... Царевна спит, царевна видит всё и слышит... Сложив ладони лодочкой, словно в руках у него тропарь, а не горсть предполагаемой воды, Писатель, улыбнувшись, выплёскивает её в зал, брызги падают на письменный стол, на рукопись, и Бьянка приветственно машет ему рукой, ещё один листок из стопки бесшумно соскальзывает вниз, ложится рядом..., оказывается, он с вечера оставил открытой фрамугу на окне? Да, это был просто ветер...

Странно, что сегодня осень, а не весна и не лето... Непопадание в ритм отзывается пустотой... Так человек под шестьдесят уклончиво реагирует на предложение его семьи отпраздновать свой юбилей в близком кругу друзей... Видеть их, несчастных, или состоявшихся у себя дома? Всех разом?! Одним махом расписаться в своей несостоятельности? Нет, и ещё раз нет!

Несостоятельность, как первые признаки старческой деменции, страшат Писателя... Пройдя-таки в ванную комнату, Писатель склоняется над раковиной, опершись обеими руками об её глазированный фарфоровый край и открыв воду тонкой струйкой из крана, долго смотрит в маленький водоворотик, что десятками

шумных пузырьков беснуется возле слива — СЛИВ! Так и не умывшись, он берёт полотенце и трёт им лицо... Производя движения вверх-низ, потом круговые, короткие, с поочерёдным наездом на правую и левую щёки....

Себя не обманешь..., на улице осень, а тебе пятьдесят шесть... «Кстати... вчера опять звонил, этот.... он всегда забывает имена... его сосед по участку... Дэвид Рэтчелл, кажется? Надо, же! Запомнил! А ведь, не хотел! После Бьянки чужие имена буквально вываливаются у него из головы и если раньше он сетовал на это своё хроническое недомогание, то сейчас напротив, радуется ему, как ребёнок.

Но, кажется, вчера он дал согласие устроить вместе с ним барбекю у себя в саду перед домом? Чета Рэтчеллов милые люди, почему бы и нет? С полуулыбкой посмотрев на буфет, заполненный рядами элитного алкоголя, Писатель опять задумался ... «У Бьянки было великолепное чутьё! Но почему врач не слышит собственной болезни, а великий учёный не в состоянии дать определения тому, что есть «не вечность»? Поставив турку на газ, Писатель идёт одеваться.

Его мягкая атласная пижама в бело-синюю полоску скользит по группам мышц, с неё остатки недавнего забвения Писатель рукою стряхивает вниз, ряд маленьких перламутровых пуговиц на

пиджачке он быстро обегает пальцами, те легко выскакивают из прорамок, левый рукав, правый, затем штаны — и вся пижама летит на пол, где старый дубовый паркет с облупившимся лаком на поверхности опять отправляет его в прошлое, не давая ему ни единого шанса зацепиться за новый день.

Тяжело вздохнув, по привычке Писатель опять бросает свой взгляд на рукопись, стопка листов на столе лежит нетронутой. Только одна листочка, но не съехавшие вниз, а будто отложенные в сторону специально, сейчас намекали Писателю на новый тип общения, где открытая форточка, ворвавшийся с улицы ветерок и это прохладное утро вновь наступившего дня с листьями, кружащими за стеклом, отныне будут гарантом его стремительной прогрессии в делах.

Телефон зазвонил снова, едва он успел переодеться и выпить чашечку кофе... Сигара лежала рядом, тоже как напоминание о том, что здоровье в нашей жизни это далеко не главное. Писатель часто баловал себя сигарой. Особенно в последнее время.... А вечером к ней он позволял себе немного «Хереса» или коньяку...

Подняв трубку, улыбаясь, Писатель слушает сбивчивую английскую речь..., эти звуковые символы, обычные сигналы к действию или...? Дэвид и Маргарет Ретчелл уже давно проснулись и

теперь хотят, чтобы он, их новый сосед в этом элитном районе, немедленно бы устраивал мангал у себя во дворе, нёс мясо, замоченное с вечера в винегаре, растапливал угли, а они, его добрые, его милые и беспардонные англичане, зажав у себя под мышкой джин и расточая сладкие междометия в его адрес, лавировали бы по его узким мощёным дорожкам в саду, приговаривая, — *It's fantastic, David! Yes, it's fantastic, Maggy!*.. Он сам виноват, что приучил их к традиционному русскому хлебосольству...

Но рукопись трогать нельзя, он даже не накрывает её ничем, когда у него дома собираются гости. Слава богу, его немногочисленные друзья — люди в массе своей воспитанные, все до единого, включая супругов Рэтчелл, являются его преданными читателями и поклонниками.

С годами научаешься жить, не предавая... Можно, скажем, уехать во Францию, не покидая собственной страны, потому что всё дело в Бьянке. Неспроста, лучшим творениям рук человеческих мужчины часто присваивали женские имена! Были и исключения, конечно, но, разве, может что сравнится с Бьянкой?

... Прошла ещё одна неделя сентября...

— Бьянка, ты отпустишь меня? Мне нужно срочно куда-нибудь поехать.... Куда поехать? Знаешь... я по-прежнему тебя люблю! Знаю,

знаю... Тебе не нравилось никогда, когда я начинал заводить эту старую пластинку! Теперь я могу признаться тебе, что и мне тоже не нравилось никогда использовать «это» слово... Наверное, я поеду в Сэн-Луи, там прекрасные лебязьи пруды и чудные кленовые аллеи!

Прихватив с собою трость, держа её двумя руками у себя на пояснице, я буду корчить из себя буржуа, бродя по тропинкам, засыпанным листвой и пиная их без конца носком своей лаковой туфли... Почему я хочу обуть свои смешные лаковые туфли? Просто... Просто я не молод уже, а там, я надеюсь, мне не встретится заносчивый сноб, кто возьмётся критиковать меня за столь дикую выходку... Мне нужно уехать, Бьянка! Дня на два, хотя бы!

Что? Нет, я тоже возьму тебя с собой! И ты как прежде, едва касаясь меня своим плечом и смешно поглядывая на меня каждый раз, боясь не поспеть со мною в ногу, будешь рассказывать мне о том, какую чудную ночь ты пережила накануне и какое замечательное утро встретило тебя, когда ты, чуть открыв глаза, долго щурилась от солнца, лёжа в постели и пытаясь своею ручкой отыскать на мне то, что ночью выдавало себя с головой!

Ах, Бьянка! Двести тридцать пять страниц машинописного текста, это, увы, не то, что так ценят мои браться-графоманы! Да, да! Увы! Хотя, ты

знаешь... мне всё равно! Нет, правда! Мне абсолютно наплевать, что обо мне подумают в парижском издательстве! Месье Кришон смешон! Он возомнил себя чёрт знает кем! Помню, помню... ты советовала мне не спешить... Я и не спешу! Видишь, я собираюсь поехать в Сэн-Луи!»...

Бесцельно побродив по комнатам, неспешно обойдя их одну за другой, Писатель опять преткнулся взглядом о свой письменный стол, безупречный порядок в доме в последнее время стал его слишком раздражать.

Тогда он прошёл в дальний угол комнаты, сел в своё любимое кресло между столиком в стиле барокко и тяжёлым напольным канделябром о шести свечах, зажёл одну из них, ту, что давала всегда наиболее приглушённый свет и не мешала ему из своего укрытия наблюдать за обстановкой в доме и устало закрыл глаза.

Глава 2

Иезуиты

Чтобы хоть как-то занять себя на этом скучнейшем в моей жизни мероприятии, я опять долил себе вина в бокал и стал искать к кому бы придраться со светским, на их манер, разговорчиком... «Так месье Сираншон говорит, что его сыр самый лучший в округе? Может быть,

может быть... Чем не тема для безобидной пикировки словами!»... Обойдя несколько высоких столиков на ажурных ножках, окружённых пьющими, жующими и курящими людьми, я сразу обратил внимание на одного своего старого знакомого, немолодого уже француза Вивьена Трюльи, тот всегда, как только выпивал немножечко сверх меры, так сразу начинал кичиться своей, якобы, принадлежностью к роду великого Иоахима Мюрата, известного наполеоновского маршала! Вот его-то я и намеревался погрызть немного за столь фривольную самоидентификацию...

— Послушайте, старина Вивьен! — Незаметно подойдя к его столику, благо, что кроме него самого, за ним больше не было никого из гостей... — я повернулся лицом к пожилому французу, тот, всецело погружённый в своё занятие, вытаскиванием застрявшего моллюска из раковины, сначала отреагировал на моё обращение крайне рассеянно, вскоре спохватившись, вдруг воскликнул, — А! Это вы, мистер русский!

... «Ничего себе, «мистер русский»! Я, конечно, в душе оскорбился на его эскападу, но вида не подал... Сам виноват, что послушав своих соседей по сектору, английскую чету Рэтчелл, припёрся на их чрезвычайно «отпевательный» фуршет»...

Рэтчелл старший, таскавшийся со мной повсюду, мгновенно прийдя мне на выручку, начал было;

— Э-э... месье Вивьен! Вот месье Базиль Сираншон утверждает....

— Да, он утверждает, месье Вивьен! — продолжил я, перехватывая эстафету от Дэвида Рэтчелла, — что его сыр Аббеи — де-Сито самый лучший в нашей коммуне ... это так? ...Как вы думаете?

Фразу «как вы думаете» я специально приклеил с конца со значительным отставанием по времени, чтобы этот пожилой балбес не мнил себя уж слишком большим умником по части исторических инъекций...

* * *

... Да, в общем, дело не в этом... Как я пережил вчерашний фуршет, не помню... Дэвид, старый суссекский пьяница, с самого начала увязавшийся за мной, был несносен, после окончания вечеринки мне пришлось выслушивать его высокопробную ахинению про американскую ПРО, про их почти пиратский подводный английский флот с «Чёрным Роджерсом» на флагштоке, и «про прочее», говоря тавтологически...

Кажется, он сам уже не верит в разрекламированное могущество США и Англии... «А ты почему во Францию поехал?» — Однажды спросил его я и, пожалуй, впервые старина Дэвид не лукавил, не пытался из кожи лезть вон, с пеной у рта отстаивая передо мной свою англо-саксонскую исключительность, а ответил просто, как подобает нормальному мужику: — «Марго настояла!» Про Марго я уточнять не стал, ситуации жизненные разными бывают, а тут, что называется, классическое «шерше ля фам», но с английским подтекстом!

... Проснулся я, как обычно, в полном одиночестве... За эту прошедшую ночь ветер на улице стал крепче, а мой любимый вековой дуб, беспрестанно стучащий веткой в окно, с заметно поредевшей шевелюрой... Кажется, он стал ещё более сердит и скрипуч, будто это я был повинен в том, что на смену лету обычно приходят осени, а не вёсны... Младший из сыновей Рэтчеллов, Фил, пятнадцати лет мальчишка, долговязый, с худым веснушчатым лицом, уже вовсю гонял мяч у себя на площадке...

Мяч часто залетал на мою территорию и тогда он, с опаской косясь на мои окна, быстро перемахивал через невысокий забор, хватал мяч с земли и тут же бежал обратно... Эта история повторялась несколько раз кряду. В отличие от

местных, я снобом не был никогда, а потому всякий раз старался укрыться за оконной рамой либо за шторой, когда мне вдруг казалось, что Фил конкретно смотрит на меня, когда опять хочет тайком перелезть через забор на мою территорию за мячом...

... «Бьянка» с Филом сговорились, наверное, если в одно мгновение я оказался там, где сейчас дует холодный ветер, а вид обветшавших строений и могильные холмы без указания имён и дат, наводят ужас на моё осиротевшее сознание... Ведь это и есть моё одинокое детство? Я оглядываюсь кругом — никого... Только какой-то лысый дядька, моих лет примерно, согнувшись над грядкой, копается у себя в огороде...

В нём я не сразу признал моего ровесника Кольку Майорова... С него свой взгляд переведя в сторону, я сразу увидел тот же самый полуповаленный плетень, клонившийся как и много лет назад, к узкой грунтовой дороге, что так и не удосужилась права быть покрытой хотя бы жиденьким асфальтовым покрытием... Теперь же я был вынужден шмыргать ещё и носом, поскольку не только вид зловонных ручейков с зелёной порослячьей мочой, неукротимо пробивавшихся на простор из-под чьих-то сараек, наводил на меня уныние, но и этот резкий, почти удушающий запах бил в нос... Здесь ничего не изменилось за

пятьдесят лет... Н-и-че-го!

В смысле декораций, в этом заколдованном месте под названием «детство» всё осталось почти тем же самым, только не было здесь больше нас, маленьких девочек и мальчиков! Не было песочниц с «городками», не было двухцветных резиновых мячиков, проколотых об гвоздь, торчащий из штакетины на заборе, не было старых скамеек у подъезда с шелухой от семечек, в большом количестве набросанных у ног наших самых главных дворовых сплетниц, не было там наших дорогих дедушек с бабушками, не было наших пап или отчимов, пьяной походкой крадущихся к себе домой после очередной получки....

А сам я? Сколько стёкол перебил я у себя во дворе, сколько свежестиранного белья этим мячиком испачкал, что обычно развешивали жильцы нашего дома прямо во дворе на бельевых верёвках, подпёртых для устойчивости большими самодельными рогатинами из орешника? И как какая — нибудь скандальная тётя Шура с первого этажа потом всё это выговаривала моей строгой матери... Или как вечно пьяный в усмерть Солодилов дядя Саша из соседнего подъезда мне до хруста в хрящах откручивал моё ухо за какую либо провинность и оно потом становилось толстым, как вареник!

Помню, я верещал от боли и ждал, когда же

он отпустит наконец меня, этот чёртов человеческий злодей в кепке, всегда пьяный, всегда загорелый до черна, всегда худой, с вогнутой тощей грудью и превратившейся давно в выпуклый горб на спине ... И вот когда он отпускал моё ухо, то заливаясь слезами, я тутже бежал домой жаловаться своему единственному на тот момент другу — бабушке Марье Ивановне, поскольку мать моя целыми днями отсутствовала где-то и ей было точно не до меня...

А вот мой хворающий дед, Минаев Анатолий Филлипович, бывший узник ГУЛАГа, вечно охающий, не отпускающий ни на миг рукой своей огромной паховой грыжи, был часто тоже либо несоразмерно строг со мною, либо болезненно безучастен... Я на плётку его, висевшую на стене, всегда смотрел с негодованием, мне она виделась великим препятствием на пути от совершения мною какого-либо проступка, до неизбежного наказания, мгновенно следовавшего за ним и очевидицей которого она частенько бывала...

Я ненавидел эту плётку, в ней я видел долговязую фигуру своего деда, согбенную, в неизменных светло-синих исподниках и в тёплых шерстяных носках, одетых поверх других носков попроще... Дед мне виделся сатрапом, большой угрозой для моего вольнодумства, но что-то в его старческом облике было сакральное, что извиняло в

нѐм и этот строгий его характер, и это его поглядывние на меня свысока в прямом и переносном смыслах...

В общем, плѣтку его я презирал... Самого же деда глубоко в душе своей я обожал... Было в нѐм что-то почти божественное, непостижимое мне... Я, тогдашний шестилетка, с двояко раскрученным пиететом смотрел на всё происходящее в нашем доме; и любя и ненавидя ...

И если отца своего родного я совсем не помню, то отчима, белоруса из Витебской области, нашего третьего по счѣту главу семьи, только фрагментами и по большей части за то, что временами он был лют со мною неоправданно...

Однажды в посѣлке Никеле, куда мы с родителями и моим старшим братом Сашкой переехали недавно из-под Тулы на постоянное место жительства, со мною случился один очень неприятный инцидент.... Как-то, маясь от безделья, мы с нашими дворовыми пацанами из чьей-то сарайки на окраине посѣлка вынесли старенький телевизор, просто отогнули прогнившую доску сздади и, как мыши, проникли внутрь...

Телевизор был, конечно, не рабочим, но сути это не меняет... Короче, когда мы попались и хозяин доставил нас каждого своим родителям, то мой пьяный отчим, не особо разбираясь, схватил первое попавшееся ему тогда под руку, в данном

случае это был толстый алюминиевый провод в резиновой оплётке, и на глазах у всех едва не запорол им меня до полусмерти...

Он так раже хлестал меня этим злосчастным электрическим шнуром, что руки, которыми я пытался закрывать побиваемые участки тела, в особенности пальцы, от его прожигающих насквозь ударов будто срослись вместе! Невероятно опухшие, с сине-розовой кожей до запястий, готовой лопнуть от чрезмерного раздутия, они у меня не просто болели — они вопили от боли!

Сам я тоже крутился, как волчок, я захлёбывался словами прощения, я умолял его больше не бить меня, потому что боль была невыносимой, она была за пределом моего детского терпения, но, увы, отчим был неумолим... Кроме того, он тогда унизил меня дважды: во-первых, что так избил жестоко, и, во-вторых, что избил не дома, как обычный бытовой сатрап, а на глазах у всех! Перед мальчишками! С тех пор во мне что-то треснуло внутри, что-то очень важное, чему разбиться ни в коем случае было нельзя...

...Но когда-то я простил его, а теперь настало время прощать меня... Прощение, оно порой сродни забывчивости! Ведь если хочешь простить кого-то по-настоящему, то обязательно постарайся забыть все свои обиды! Я тоже пытался это сделать не раз...

Детство... Детство прошло, пролетело... Оно уместилось в несколько дней всего, их можно по пальцам пересчитать... Полагаю, что нет ничего удивительного в том, что многие черты характера в нас закладываются именно в детстве... Ведь жизнь на самом деле куда короче, скажем, двадцати пяти, пятидесяти шести, ста или более прожитых лет, в зависимости оттого, когда кто умер и от чего....

А потому что тонкая нитка — жизнь, однажды выползла из незнакомого нам субстрата и пошла петлять, а когда мы спохватились, когда мы поняли, что она ускользает от нас, то хватать — а в руках у нас только кончик её и виднеется... Свой кончик той нитки я тоже ухватил не так давно, может лет пятнадцать, двадцать назад... Поймать-то поймал, но то ли пальцы потеряли былую чувствительность, то ли ниточка оказалась настолько тонка, что не различить её уже, уместившуюся в одной из складок у меня на ладони?

А не выпускать её из рук, значит большую часть времени держать свои ладони сомкнутыми... Посмотрите, многие ли старики поступают иначе? Нет... Ладонь, открытая для подати, это жест отчаяния! Поэтому руки надо всегда держать закрытыми... Не оттого ли, глядя на долговязого подростка Фила, беззаботно гоняющего свой мяч на лужайке, я тоже боюсь причинить ему боль нечаянным осуждением, или тем более окриком?

Сейчас мой разум напоминает мне, что когда-то я тоже был ребёнком, но что-то же мешает мне признать своё детство долгим и счастливым? Я невольно опять оборачиваюсь к столу, но рукопись «Бьянка» это даже не урна с прахом, а всего лишь стопка листков обычного формата А-4... Каждый день по листку она разрешает мне писать себя, но пишу я как-то странно, почти не касаясь её поверхности руками...

Печатная машинка у меня тоже имеется, но ей я в последнее время предпочёл работу на компьютере... Не трудно себе представить, каким количеством помарок пестрела бы моя рукопись, решишь я с самого начала печатать её на своей старенькой «Москве», привезённой мной ещё из России?

... Россия... Россия — это мой «casus belli»... Это трагедия, ребята — быть патриотом своей страны, служить ей верой и правдой, а по концовке слететь со всех проектов? Хм....

Франция в нашей с Бьянкой судьбе обнаружилась совершенно случайно, как случайно люди рождаются на свет и, в принципе, умирают тоже... Просто к моему гонорару за проданные книги Бьянка добавила ещё своих сто тысяч современных европейских эю и мы сразу же купили себе этот маленький заброшенный домик на окраине коммуны Беньё-ле-Жюиф в Бургундии, где

вместе с ней мы прожили, увы, совсем недолго...

У нас всегда была мечта — уехать поближе к морю и подальше от людей! И хотя реализовать ей в полной мере было не суждено, зато оказаться поближе к морю и сыру с вином, вполне... К тому же, начитавшись в молодости Дюма, я и Бьянка были буквально пропитаны этим духом романтики! А чего только стоила когда-то фраза, брошенная гарсону; — «Месье, а подайте-ка нам, пожалуйста, бутылочку «бургундского»!»

Теперь у меня этим бургундским заставлен почти весь бар и, честно говоря, под настроение, когда мне пишется легко и почти без исправлений, я могу легко уговорить бутылочку какого-нибудь «Armand Rosseau» или «De Montelle»!

Глава 3

«Бьянка» сердится

Мне Франция нравится... Если не видеть всего того, что творится сейчас в Париже или Марселе... Мои соседи, Рэтчеллы, недавно навещали своих родственников в Англии, а вернулись оттуда совершенно изменившимися людьми... Кстати..., своего юного балбеса Фила на этот раз они почему-то решили оставить в туманном Альбионе... Они так сами и сказали — в «туманном Альбионе»!.. Не много ли пространства

для одного человека? Шучу... Впрочем, шуточки у меня тоже стали довольно неуклюжими, в них тумана не меньше... После этого, мы ещё один раз собирались у меня дома на «шашлыки», и это уже была полностью моя инициатива...

... Кстати, мне мои соседи по сектору уже тогда не понравились, в особенности госпожа Джулия Маккенрой, сестра — близняшка Маргарет... Во-первых, она бледная какая-то стала и не разговорчивая совсем... Глаза либо прячет постоянно, либо иной раз так взглянет невпопад, что аж мурашки по коже! И ведь не спросишь их опять, что случилось, что поменялось в их жизни за это время... В западном мире не принято так поступать...

Дэвид тоже сильно изменился за эту осень... От питья как обычно отказываться не стал, но большей частью стоял, потупившись глазами в землю, не шутил как раньше, а скорее отшучивался... И потом... он свой стакан в руке держал как-то странно, будто не осознавая до конца, как с этим следует поступать правильно... А в какой-то момент он у него и вовсе наклонился, джин стал проливаться через край, а они все стоят, словно восковые фигуры мадам Тюссо, и будто не видят всего этого?

К тому же в тот день было уже достаточно холодно... Можно сказать, что природные

аномалии по всему свету изменили климат до неузнаваемости... А эта осень, она вообще была не похожа на предыдущие, даже моя тёплая куртка и толстый свитер под ней еле согревали меня... От холода мы втроём всё больше жались к мангалу и дым точил у нас слёзы из глаз, а мы посмеивались только, отмахивались от него руками и было странно, что мы почти не общаемся... так, какие-то обрывки ничего не значащих фраз, произносимых нами невпопад и не к месту, и эти странные взгляды, сломанные улыбки на лицах... В общем, впечатления у меня от нашего последнего коллективного пикника под дубом остались не самые радужные...

А по ночам, мне кажется, в их доме происходит что-то очень странное! Посудите сами; в окнах при ущербном освещении и плотно задёрнутых шторах видны постоянно их мятущиеся тени, временами слышен грохот падающей посуды... даже гарью, мне кажется, тянет иногда с их неухоженного двора... Да, да! Двор у них стал правда неухоженным! А однажды я услышал истошный женский крик во флигеле! Перепугавшись, я тутже схватил свой новенький пятизарядный карабин и выбежал во двор, сердце у меня бешено колотилось в груди...

Я прислушался... Но прошли пять минут, десять..., в их доме вдруг всё стихло разом и свет

во всех окнах тоже погас мгновенно, словно на их виллу опустилось огромное чёрное пятно! Даже мой старый скрипучий дуб, все деревья в округе замерли на миг, ни дуновения ветерка не было слышно при этом, ни шелеста листьев...

А в это время в моём доме тоже что-то стало происходить непонятное! Небольшое зарево в окне гостиной говорило о том, что в комнате у меня отчего-то возник пожар! Ворвавшись внутрь, я обомлел — горящие угли были рассыпаны по полу и на столе, а сама рукопись была объята пламенем! Пытаясь сбить его, я только сделал ещё хуже... часть листков тутже разлетелась по комнате, а другую словно затянуло в горящий камин, листки вспыхнули, мгновенно обращаясь в золу!

Помещение быстро заполнилось ядовитым дымом, я бросился к окну и открыл фрамугу и тут же я услышал, как гремя пластинами, тяжёлые роллеты на окнах виллы Рэтчеллов синхронно съехали вниз и сразу наступила тишина, леденящая, будто вползающая в самое нутро...

...С тех пор там у них ни звука... По поводу случившихся в прошлую пятницу событий, семейной ссоре у Рэтчеллов и последовавшего вслед за этим их странного обособления, меня гложат вполне обоснованные страхи, но здесь не принято совать свой нос в чужие дела...

...Словом, конец ноября выдался у меня

отвратный... К тому же теперь всё чаще утром или ближе к вечеру, когда я гуляю по саду, мне с неба на голову срываются большущие снежные хлопья... Покружат, покружат, потом вроде солнышко опять проглянет, но вот снова ветер налетит откуда-то и снова небо заволакивает грязными тучами, и снова снег идёт зарядами, с липкими, почти не тающими на лице снежинками... Слава богу, меня мой приятель один днями обещался навестить, старый друг, из детства...

С ним мы лет дцать не виделись вживую, зато как многие теперь на свете люди, часто общались по интернету, связь поддерживали... Как-то так получалось всё время, то у меня дела, то у него... Мне он печаль свою недавно поведал по Интернету, как пытался в России внедрить одну рацуху..., что-то там связанное с улучшением звучания музыкальной аппаратуры... Он говорит, что его даже в Москву приглашали недавно для тестирования его устройства, но..., видно, как не было пророка в своём отечестве, так и нет его до сих пор... Пытаясь вспомнить всё в деталях, я начинаю шарить глазами по столу, ища листки с пометки по этой теме, одновременно я намеренно избегаю столкнуться взглядом с обожжённой «Бьянкой»...

После недавнего пожара «Бьянка» стала намного тоньше, не скажешь, что грациознее, всё

же это рукопись, а не дама... Следы жёлто-чёрных подпалин на её страницах меня скребут по сердцу, но жизнь остаётся жизнью и, скорей всего к Рождеству, я опять усядусь за писанину... Мне нужно многое поведать ей, столько накопилось всего за эти месяцы....

...Итак, завтра я поеду встречать своего старого друга в департамент Кот- д'Ор, а по приезде я обязательно растоплю камин, с ним мы потом усядемся подле него наподобие Шерлока Холмса с доктором Ватсоном, под разговор я откупорю бутылку хорошего вина, мы выпьем... А ещё, я угощу его гаванской сигарой! Настоящей, чертовски крепкой и ароматной! Но сначала мы макнём наши сигары в вино, дадим им пропитаться немного и подсохнуть, а потом... Кстати... забыл спросить его..., он сейчас курит, или из него такой же бросальщик, как из меня?

«Бьянка», ты не знаешь, Пётр курит сигары, или им он предпочитает нюхательный табак? Шучу, шучу! Ну, от моих-то «гаванок» он вряд ли откажется! Сам я покуривать стал вполне осознанно, дав себе слово, однако, что ни под каким предлогом не перейду опять на сигареты... В жизни, вообще-то, мало есть из того, что является настоящим, а не вторичным, взятым нами, чтобы восславить культ тела... Кстати, это чисто европейская проблема! Наши привычки подчас мы

слишком перегружаем смыслом, но если в них вообще ничего не вкладывать, то и к чему привыкать тогда?

...Немного вина, сигары и фрукты... Сыр, порезанный небольшими кусочками, я положу в тарелку из плетёной соломки, а наш знаменитый «провансальский» багет, который я обычно беру у того же месье Сираншона, я предложу Петру ломать руками самому... Мне столько «Бьянке» нужно рассказать, а как усадить себя за письменный стол? А с Петром так мы вообще не виделись целую вечность! Но время оно не просто лекарь, оно искусный анестезиолог! Полагаю, большая часть тем из нашего прошлого стала уже не актуальной? Какие-то рецепторы атрофировались давно, а с ними и память тоже...

О чём-то мы, конечно, будем вспоминать, но вряд ли такой коллаж из ностальжи будет уместен для наших глаз, что зовутся душою...

...Вдруг, почувствовав неприятный холодок, крадущийся от поясницы к лопаткам, я бросил рыться в воспоминаниях и быстро подбежал к камину, чтобы включить дополнительные бра справа от него на стене, но, чтобы не слишком отсвечивало в окне, я слегка загородил его рядом стоявшей ширмой...

Подойдя к окну, я глянул в него и невольно поёжился.... Отсюда дом Рэтчеллов был плохо

виден всегда, теперь же мне было довольно согласиться с тем, что когда твои соседи третий день подряд не поднимают роллеты у себя на окнах, то это как минимум выглядит немного странно!

Конечно... можно сослаться на богатую писательскую фантазию, на прочие куда менее существенные объяснения, но... помилуй, боже! Вилла у Рэтчеллов правда изменилась! Что-то в её облике появилось настораживающее... Я знаком был немного с ремонтом квартир, знал как, скажем, красят стены, как заделывают сколы в штукатурке, глубокие трещины и.т. д... Тут же было всё наоборот, словно кто-то или что-то, работали в другом стратегическом направлении, пытаюсь сделать так, чтобы эта вилла за ночь вдруг стала бы более ветхой, опередив своё старение лет на сто, а то и больше!

Именно об этом я и подумал сейчас! Но, видимо, поддавшись лёгкой панике, против собственных правил я вдруг пошёл и достал из буфета сразу целую бутылку коньяка! Открыв её, я набухал его себе почти полный бокал, но тут же отставив в сторону, подпалил ещё и сигару..., кажется, я собрался выпить коньяк залпом? Всё же сделав солидный глоток, я закурил... Дуб в тёмном окне раскачивался в такт моим медленным покачиваниям головы... Я словно погрузился в транс, ибо, то что я собрался сделать сейчас, или то

о чём я подумал, было нечаянно отменено и эти движения головой заменили мне реакцию несогласия с таким поворотом дел...

Я импульсивно сделал шаг в сторону светильника, видимо, желая сделать его свет немного ярче, но тут же передумал, осознав, что поступаю не совсем рационально... Я отпил ещё и поставил бокал на крышку чёрного рояля... С тех пор, как Бьянка оставила меня здесь одного на Земле, этот рояль всё время стоял закрытым, а сам я не отваживался хотя бы прикоснуться к его мягким чёрно-белым клавишам, я боялся, что Бьянка услышит меня и будет корить себя за то, что поступила со мной тогда как последняя эгоистка! Мне этого и впрямь очень не хотелось...

Я ходил кругами по комнате, то беря бокал в руки и немного отпивая из него, то опять возвращая на место... Бесконечно пыхтя сигарой, я погружался мыслями глубоко в воспоминания об утраченных мгновениях жизни... А в какой-то момент я встал, как вкопанный, потому что слева в зеркале, кроме собственного отражения, я заметил чьё-то ещё присутствие...

... Диспозиция была следующей: с правой стороны от меня были стол, камин и небольшой старинный секретер, а слева большое, в человеческий рост, прямоугольное зеркало в тяжёлой бронзовой раме... Я всё время видел себя в

этом зеркале своим периферическим зрением и вот я обратил внимание, что отражение моё повернулось в нём на девяносто градусов и буквально уставилось на меня в упор!

Таким образом, я будто оказывался в центре некоего сакрального многоугольника, когда неосторожный жест, а тем более звук, могли бы всё испортить... Но что конкретно я должен был нарушить, эту хрустальную тишину со слабым потрескиванием догорающих дров в камине? Может «Бьянка» была недовольна тем, что я слишком зациклился на вилле Рэтчеллов? Я не мог ответить на этот вопрос односложно и потому стоял, не двигаясь, боясь идти поперёк захлестнувших меня догадок...

Мне следовало сейчас убедить себя в том, что это зеркало, злившееся на меня каждый раз за то, что я игнорирую его, что ни манжету на рукаве не остановлюсь перед ним поправить, ни загляну в него, чтобы посмотреть как сидит на мне мой новый шерстяной пиджак, коий я, скажем, одел, собравшись посетить местное бистро во имя пары кружек пива с устрицами, вдруг ожило и что я должен был непременно закрыть его чемнибудь?...

Теперь же, словно желая выместить на мне всю свою злость, оно судорожно схватилось за моё отражение в нём, принявшись управлять им, как мёртвыми управляют чёрные знахари Вуду... Я

помнить буду, тратиться и ждать, что всё вернётся, что в норму всё придёт опять...

Но вместо этого я стал убеждать себя в том, что этот человек-отражение в зеркале, что он абсолютно бесплотен и что мне вряд ли стоит его опасаться ... Но, кажется, я был слишком наивен, я поступал опрометчиво, думая так... Будучи лицом повёрнутым к окну и не имея возможности повернуть головы ни влево и ни вправо, я увидел, как моё отражение решительным шагом направилось ко мне, но, тутже стукнувшись лбом о невидимую преграду, отскочило назад...

Это самоистязание продолжилось бы, наверное, и дальше, но весь ужас состоял в том, что я словно предвосхитил дальнейшие события! Ибо в следующее мгновение человек-отражение стал стучать кулаками по стеклу, пытаюсь разбить его! Я же словно впал в оцепенение, я словно тоже участвовал в этом спектакле, где мне отводилась роль если не жертвы, то необычного свидетеля по-крайней мере...

Я ноги своей от пола не мог оторвать, не вынудив моего двойника в зеркале, пытавшегося всё делать по-своему, споткнуться, либо даже упасть... Камин... догорающий... Кстати, я так и не удосужился подложить в него дров? Рукопись на столе, чёрное окно впереди, за ним унылый ночной пейзаж и это зеркало слева, треснувшее от ударов

изнутри ...

Сигара моя в руке тлела ... Медленно опустив голову, дабы проследить за упавшим на пол пеплом, в то же время я стараюсь не упустить из виду и моё отражение, теперь уже совсем прислонившееся правой щекой к стеклу и с ладонями, распластанными по нему... У отражения моего лица с мимикой безумного человека, рот беззвучно выкрикивает какие-то слова, глаза отверсты широко, в них застыли ужас и мольба... Когда-то моя сигара всё равно догорит и тогда я буду вынужден бросить её на пол... «Бьянка» сердится!

Я теперь жалею, что когда-то не послушался Рэтчеллов и не купил себе сторожевого пса, добермана какого-нибудь либо гигантскую средне-азиатскую овчарку! Но чего мне бояться? Что стронувшись с места, я сделаю больно своему отражению в зеркале? Наверное, я должен покаяться, или по-крайней мере признаться Читателю в том, что рукопись оживает по ночам, вместе со мной садится за стол и это она Писатель, а я у неё за соавтора? Как же невыносимо трудно бывает признаться себе в этом! Что-то на вилле Рэтчеллов происходит странное, но об этом «Бьянка» предпочитает не распространяться вовсе... Единственный способ понять происходящее — это сесть за стол и продолжить

писать... Но в том-то и дело, что сделать это так же не просто, как согласиться с беспочвенностью собственных прегрешений!

А я догадывался, что коллапс, случившийся на вилле Рэтчеллов, каким-то образом был связан со странными событиями у меня дома... Я пытался наводить справки у других своих соседей по коммуне, не слышал ли кто о странностях, творящихся в Беньё-ле-Жюиф или же его окрестностях, но тем было словно известно что-то, а они молчат нарочно, будто тумана хотят напустить побольше на мои непонятные страхи...

Ночь за окном шевелится, словно живая, от дома Рэтчеллов она чёрной шуршащей тенью переползает в мой сад, и даже дуб, предчувствуя недоброе, всё настойчивее стучится веткой в окно... Порывы ветра однако становятся всё сильнее — и вот удар, ещё... и... словно локтём дубовая ветвь крушит тонкое оконное стекло! Но то, что сейчас происходит слева от меня может иметь даже куда более драматичные последствия! Оконное стекло и зеркало разбились одновременно!

Теперь, когда я могу полностью сосредоточить своё внимание на разбитом зеркале, я отчётливо вижу, что из него буквально вывалился окровавленный человек! И листки! Опять листки кружат по комнате! Шурша, словно птицы крыльями, они падают кто на кресло, другие

прилипают к стене, третьи же неотвратимо опять летят на огонь, в нём за секунду сгорая без следа!..

... «Бьянка», тот человек из зеркала, я?!»... Листки кружат, их кружение становится всё более осмысленным, они становятся в круг, вмиг в центре комнаты образуется большая бумажная воронка... От страха я бегу к арсеналу, потому что там лежит мой новенький пятизарядный карабин и патроны к нему!

Я бегу, а кажется, что стою на месте... Оказавшись в центре сакрального многоугольника, я лишён возможности двигаться легко, не причиняя себе ощутимой физической боли! Если это мои мысли вслух, отчего тогда я не спешу поделиться ими с «Бьянкой»? Да, «Бьянке» ещё нужно угодить! Но если это холостяцкий образ жизни так изменил мою психику за год и, значит, рукописи всё же горят, когда они не окончены? Разрываясь между «Бьянкой», разбитым зеркалом, камином и окном, я почти схожу с ума, но что мне мешает позвонить в полицию?

«В полицию? Слабак!» — Я долго ковырялся ключом в замке оружейного сейфа, но чёртов замок не поддавался и я плюнул в конце-концов! К тому же времени у меня совсем не оставалось, ведь тот, кто выпал недавно из разбившегося зеркала, теперь тащился за мной по дому, сильно припадая на правую ногу и волоча за собой безжизненную

левую, он был бледный весь, в кровавых подтёках, его глаза ввалились внутрь, будто проколотые...
Всё, Бьянка! Всё!

Я не выдержал и выбежал на улицу... Дождь вперемешку со снегом хлестал мне в лицо, а сквозь тёмную за ночь из этой каши с трудом пробивались редкие огни... И только вилла Рэтчеллов возвышалась неподалёку тёмной молчаливой громадиной... Когда дом молчит, он либо спит, либо он мёртв... Глядя туда, на его мрачный силуэт, я стоял, растирая ладонями замёрзшие плечи, неменяющаяся сущность природы была во всём, даже в этом не спящем, но мёртвом доме...

Не поддержанная светом мысль, когда даже небо казалось непроницаемым, угасала... Зрительные образы расслаивались, разделяясь на нереальные составляющие... Так в иле сомнительных догм догнивала эта странная ночь... Когда-то мы с Бьянкой мечтали о полупрозрачных летних ночах, нам нравилось следить за сорвавшейся вниз звездой и достаточно было просто протянуть ладонь, чтобы поймать её...

Ночное небо должно быть чистым, в этом своём покойном движении от сих и до сих, от одного края до другого... Но когда его заполняет такая пустота, тягучая, порождающая кошмары, то это уже становится похожим на ад, спустившийся с серных небес на землю вплоть до самого утра, пока

первый оголтелый петух не прокричит свою жизнеутверждающую песнь.

... Я бы так и стоял, наверное, до утра, но дуб, похожий в темноте на многорукого великана, стал веткой подталкивать меня к двери... Я повернулся и пошёл, по спине у меня пробежал холодок... Вдруг ветер усилился, а листья, шурша бумажными тельцами, поползли по дорожке, бессильно утыкаясь острыми краями в невысокий бордюр из серого гранита... На коммуны Беньё-ле-Жюиф опускалась чуть заметная серебристая пелена... Я ещё раз посмотрел на виллу Рэтчеллов, она была похожа на огромный заросший плющом склеп...

Зябко поёживаясь, я потянул ручку вниз, дверь открылась... на пороге стояла Бьянка! Тоже мертвенно-бледная вся, порванная одежда в крови длинными лоскутьями свисала вниз, а лицо её было испачкано в саже... Глаза у Бьянки были печальными, но зрачки, пульсирующие словно маленькие сердечки, делали их ужасными... Бьянка словно набиралась мощи, чтобы взорваться, опалить меня своим огнём! Виновато улыбаясь, я попробовал пройти бочком мимо неё, но она преградила мне дорогу... Вдруг, губы её разлепились и я услышал: — «Пора писАть, мой дорогой! Пошли!» И она рукой показала мне дорогу... — «Не бойся!»

Глава 4

Сердечко из пивного картона

«Бьянка» спала, накрывшись новым титульным листом, взамен сгоревшего на днях вместе с другими двадцатью пятью только что отпечатанными листами... Вернувшись из Фонтенбло, первым делом Писатель обошёл весь дом, внимательно осматривая предметы, стоявшие на столах и тумбочках, а также мебель, которую перед отъездом он специально закрыл большими накидками из целлофана...

Нет, всё стояло нетронутым, только лёгкий слой пыли был виден кое-где, не потревоженный ничьим присутствием за его почти недельное отсутствие в Беньё-ле — Жюиф. Подойдя к письменному столу, он протёр его влажной тряпкой и какое-то время стоял подле него в полной задумчивости, глядя безучастным взглядом на рукопись, лежавшую напротив... Прежде чем снять первый лист, он гадал, спрашивая себя, а «Бьянка» обрадуется его приезду, или промолчит как всегда?

Но что он хотел услышать от неё... — «Здравствуй, свет очей моих! Ты не скучал там один? Или, ты был не один?» За неё отыграв последний такт, Писатель сделал вид, будто не верит собственным словам, мимические мышцы на

его лице потянулись влево, делая улыбку ассиметрично некрасивой, даже немножко лукавой и капризной...

Смахнув её рукой, будто испачкался нечаянно в грязи, Писатель виновато покосился на зеркало... Зеркало было цело, но как шрамы у людей от полученных ран видны на теле, так и под стеклом его были видны прозрачные вены, заполненные прозрачной же кровью... Достав мобильный телефон, Писатель звонит Жильберу Жильбо — Круазанни, тоже своему большому приятелю, франко-турку, тот был большим специалистом по ремонту всевозможной мебели и ещё отменным стекольщиком впридачу...

... «Опять ты частное ставишь выше общественного?» — Писатель горько усмехнулся... — ведь сегодня воскресный день, мой друг! И вряд ли симпатяга Жильбер... ради меня... Длинные гудки на том конце провода не прерывались и это был определённый знак... Быстро отключив вызов, Писатель положил мобильный телефон на стол, но тут же ему позвонили в ответ... судя по номеру абонента, это был Жильбер Круазанни... «Некрасиво получилось!», — подумал Писатель, настраиваясь на дружелюбный тон, — прости, дружище! Набрал тебя по ошибке! Ах, вот как? Нет, не видел! Представляешь, сам нахожусь в неведении! Да! Всё

нормально, спасибо! Ещё раз — тысяча извинений!

... Вот и Жильбер, оказывается, тоже обеспокоен случаем с господами Рэтчелл! ... С господами Рэтчелл... Писатель не заметил, как в полной задумчивости подошёл к зеркалу, стал напротив него и смешно переваливая голову слева направо, стал вглядываться в его зеркальную поверхность... В нём впервые отсутствовало его отражение! «Но не бесплотный же я дух?» — подумал он... Поверхность зеркала выглядела правда необычно: сеть мелких трещин внутри стекла будто капилляры покрывала её, а в них то ли ртуть циркулировала внутри, то ли вода?

Где-то эти капилляры сливались воедино, и тогда в этом месте начинали быстро образовываться вены, а вены в артерии... А из вен, как из живого рисунка, начинал формироваться вполне конкретный прозрачный силуэт. Это не было его отражение, зеркало, обладая живой структурой, пробовало копировать его! Чему удивляться! Однажды презрев размеренный образ жизни у себя на родине, впоследствии рискуешь получить себе немислимую метаморфозу наподобие этой!

...Кровь... Кровь на полу?! Редкие засохшие пятна тёмно-бурового цвета, небольшие, похожие на капли, когда кровь идёт носом... Инстинктивно зажав крылья носа пальцами, Писатель невольно

вскидывает свою голову к зеркалу, но там только странный портрет человека, выполненный из зеркальных линий! Да, производящего те же действия, но, увы, без прописанных черт, только набор стеклянных трубок, внутри которых струится не то ртуть, не то вода... «На тех, на прежних осколках зеркала была кровь! До отъезда в Фонтенбло он собирался пойти с ними в частную клинику к месье Совье? Как-то это совершенно вылетело у него из головы! Но... постой... кажется, я припрятал один, на всякий случай? Днём «Бьянка» обычно молчит... К ней лучше за советом обращаться ближе к ночи, когда огнём гудит камин и старый дуб веткой стучит в окно»...

* * *

Его старый школьный друг не звонил пока, хотя они и условились с ним две недели назад, что тот обязательно позвонит ему, как только из Москвы его самолёт вылетит в Орли. Уж выпали первые снега, а его всё нет... Камин Писатель тоже теперь топит через день, так как к холодам не успел вовремя запастись угольком... А кто из местных французов в последний раз привозил ему топливо... месье... месье... Ага! Вот и попался, наконец! Писатель даже обрадовался тому, что у него опять наступил провал в памяти!